

Танкер «Дербент»: Сброд -5

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Сброд -5 5.

Перед закатом солнца вышел на палубу помполит Бредис. От жара и недомогания губы его запеклись, как темная присыхающая рана. На щеках его худого лица горели круглые пятна румянца, обманчиво оживляя. Он осторожно подышал на свои холодные ладони и оглянулся.

На краю моря плыла в лучах заходящего солнца желтая полоска берега. Море сияло нестерпимым блеском, небо прозрачно голубело. Черными молниями носились над мачтами стрижи. На палубе возле шпильевого мотора возился Догайло, постукивая ручником.

Помполит едва стоял на ногах. Как ослепителен блеск моря, надоедлив запах мазута и раздражающе звонки удары ручника по железу! Помполит старался припомнить, как зовут боцмана, но странная фамилия ускользнула из его памяти. Черт знает, до чего неудобно! Не помнит имен, не знает, что делается на судне. Он был близок к отчаянию. Болезнь не могла его оправдать. Ему, политическому руководителю судна, предстояло добиться выполнения плана — вполне реального и выполнимого плана. Эта задача так проста и осязаема и вместе с тем так недостижима... Долголетний опыт руководства, знание человека и умение убеждать в этой новой для него обстановке мало ему помогали. Слабоквалифицированные, случайные люди, новые, неосвоенные механизмы, плохое обслуживание берегом... наконец болезнь, почти не выпускавшая его, — в этот решающий период его жизни все сложилось против него. Он чувствовал, как падают его силы, и не знал, что делать. Из дверей машинного отделения вышел механик. Он посмотрел на запад и вверх, в безоблачное небо. Оглядывался он медленно, словно не торопясь насладиться расстилавшимся перед ним простором. Помполит окликнул его, боясь, что он повернет обратно.

— Ты здесь? — удивился Басов. — Зачем ты ходишь? У тебя жар,

Бредис.

Он подошел к помполиту и протянул запачканную руку.

— Я тебя искал, — сказал Бредис оживленно. Ему пришло в голову, что о положении дел на судне лучше всего поговорить именно с механиком. — Знал бы ты, как мне надоела каюта!

Как человек, мучимый одной неотвязной мыслью, он тотчас же заговорил о задолженности. По его подсчетам, «Дербент» не довез более двадцати тысяч тонн груза. Опоздание складывалось из мелких задержек при погрузке и сливе мазута, оно росло в пути из-за недостаточной скорости. Во время погрузки у пристани № 80 танкер сел на грунт, потому что не оттянулись вовремя от берега. На вызов буксиров ушло более часа, и еще час снимались с мели.

Бредиса сбивала с толку эта пестрая разнородность причин. Виноватых не оказывалось, не на кого было обрушиться, все одинаково добросовестно суетились. На капитана было даже жалко смотреть, до того он волновался. Но опоздания накапливались, и мелкие причины складывались, создавая тяжелый прорыв.

— Кто виноват в этом? — говорил Бредис, преодолевая кашель. — Мы виноваты, партийцы. Я виноват, — не должен валяться в такое время, обязан глядеть в оба... конечно, виноват! И ты, и другие коммунисты... Надо было бороться!

— Коммунистов у нас не так уж много, — усмехнулся Басов, — ты да я, да еще пятеро комсомольцев. Выходит, мы с тобой главные виновники и есть.

Он улыбался сумрачно и злобно, дрожащими уголками рта. Казалось, вот-вот оскалит зубы, выругается ядовито или яростно сплюнет. Бредису стало не по себе.

— Ты сам измучился, я вижу, — сказал он мягко, — собственно, я не имел тебя в виду...

Басов махнул рукой.

— Ты, друг, не спеши, не показывай на себя пальцем. Виноваты мы или нет — про то другие будут думать. Вышибут из партии — и конец. — Он беспощадно усмехнулся, глядя в глаза собеседнику. — Пошлют на наше место крепких ребят. Только я сейчас не думаю об этом. Ведь машины у нас новые, грузовые устройства в порядке. Значит, дело в людях, и мы еще можем выправиться до

конца навигации, мы еще план перевыполним, а не только долг отдадим.

– Ты хорошо говоришь, – сказал Бредис нетерпеливо, – но я не понимаю, на что ты надеешься. На самотек?

– У нас тут подобралась удивительная публика, – продолжал Басов неторопливо, – у них, видишь ли, нет внутренней связи с делом. Они равнодушны, как святые, для них пусть все горит огнем – наплевать. Возможно, что Котельников прав и это просто сброд. Но рядом другие суда изо дня в день выполняют задание. Например, «Агамали». Туда попало много демобилизованных краснофлотцев, – это прекрасные ребята. Недавно они подняли на смех наших мотористов, когда те покупали хлеб в пристанской лавке. Вы, говорят, тихходы, гробы на мокром месте. Радист говорил, что у них там чуть до драки не дошло. Это хорошо. Потом на «Агамали» получили премиальные, а у нас премиальных не будет. Это хорошо. Одним словом, нашим надо всячески давать почувствовать, что они худшие из худших.

Бредис улыбнулся и покачал головой, как музыкант, уловивший фальшивую ноту.

– Поймай, товарищ, ты что-то не то говоришь. По-твоему выходит, что все дело в самолюбии да в зарботке. Но это же неверно! На фронте мы, милый, насмерть бились и премий за это не получали. Мы за свободу, за власть советскую жизнь клали. А здесь тот же фронт, та же война, если хочешь. Не вывезем нефть – не будет бензина, смазочных масел. Нечем будет заправлять тракторы и самолеты. Ясно? Ты должен им втолковать, что работать надо не щадя сил. Ведь это кто у тебя там к машинам приставлен? Свой же брат рабочий, пролетарий приставлен, а не сброд! Пускай он малограмотный, он чутьем поймет революционное слово.

Сознание развивать надо, а не самолюбие...

Его тряс озноб, и он переступал с ноги на ногу, пересиливая страдание. Басов выслушал его равнодушно.

– Все, что ты говоришь, мне известно, да и им, пожалуй. Мне кажется, иногда возить мазут труднее, чем драться на фронте. Они знают, что стране нужно горячее, но они не чувствуют себя ответственными за дело.

Они спят на вахте и безобразничают в порту. В прошлый рейс какая-то собака забыла тряпку в смазочном насосе, и вообще я не могу говорить с ними о значении перевозок, пока они не поймут своего стыда!

– Ты что же, презираешь их, что ли?

– Нет, не презираю. Конечно, они свои. С помощником Алявдиным у меня был бы другой разговор. Но все-таки разные они, трудно с ними, и с командирами, нашими тоже сложно.

– Везде сложно, – подтвердил Бредис раздумчиво, он вынул портсигар и порылся, отыскивая спички, – Слушай, Басову а, пожалуй, ты прав.- Если бы можно было организовать соревнование...

– Организуем, – отозвался Басов неожиданно веселым тоном. Улыбаясь, он взял помполита за руку и отнял спички. – Между прочим, курить на палубе вредно.

Можно взлететь на воздух.

– О черт... – злобно выругался помполит, комкая папиросу. Все лицо его до корней волос залилось краской. – Как я мог забыть!

– Хуже, чем на фронте? – засмеялся Басов.

– Н-да, пожалуй! Powestler